
Э. ГИДДЕНС (Великобритания)

СОЗНАНИЕ, Я И СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Задачей нашего исследования является освещение ряда проблем концептуального характера, которые возникают при описании бессознательного в понятиях структурной психологии. В связи с этим мы остановимся на том, как наилучшим образом можно концептуализировать «Я» («I») рефлексирующего субъекта. Далее мы попробуем описать психологические основы взаимодействия сознания и бессознательного, руководствуясь по преимуществу работами Эриксона. Наш главный тезис заключается в том, что такое описание неизбежно приведет к рассмотрению уже не психологических, а социальных вопросов, связанных с ежедневной человеческой деятельностью. Посредством анализа «критических ситуаций», в которых эта деятельность коренным образом изменяется, мы продемонстрируем, как рефлексивный контроль за собственным поведением¹ согласуется с деятельностью бессознательных структур личности. Это даст нам возможность оценить некоторые положения Гофмана, касающиеся взаимоотношений между со-присутствующими субъектами. Позиция, которой мы непременно будем придерживаться в нашем изложении, заключается в том, что местом локализации «Я» является тело с его пространственно-временными характеристиками.

¹ При переводе терминов мы руководствуемся изданиями работ Э. Гидденса на русском языке (в т. ч. «Последствия модернити» – в кн.: Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 103-22). *Прим. пер.*

Рефлексивность, дискурсивное и практическое сознание

Фрейд выделяет три структурных компонента в человеческой психике: «Ид», «Эго»² и «Супер-Эго». Полагая, что подобное деление не является единственно целесообразным, мы будем пользоваться терминами «базисная система безопасности», «практическое сознание» и «дискурсивное сознание», которые предложены в стратификационной модели психики. Эти понятия не имеют прямых параллелей с понятиями Фрейда. Сложнейшие способы или модели организации человеческого поведения включаются во все три указанные структуры. Но «I» (*das Ich*) находится в центре дискурсивного сознания и требует поэтому особого рассмотрения. Для решения стоящей перед нами задачи мы прежде всего обозначим проблемы, связанные с употреблением фрейдовских понятий и главным образом происходящие из вопроса о субъекте деятельности [1].

Хотя субъектом действия у Фрейда, конечно же, является индивид, он часто приписывал Ид, Эго и Супер-Эго самостоятельные свойства деятельности. До 1920-х Фрейд употреблял термин «*das Ich* (Эго), понимая при этом то саму личность, то отдельную сферу психического. То же самое можно сказать в отношении понятия «Супер-Эго», иногда отличаемого Фрейдом от понятия «идеал-Я». Эта терминологическая путаница, по-видимому, связана с более глубокой концептуальной проблемой. Если предположить, что *das Ich* является компонентом психики, то как тогда Эго «отказывается от неприемлемых мыслей», как пишет Фрейд [2]? Можно ли утверждать, что решение, принимаемое Эго, есть часть процесса принятия решений субъектом? Очевидно, это совершенно бессмысленно. Фрейд пишет еще о том, как в Эго появляется потребность уснуть, но вместе с тем оно «стоит на страже», охраняя сон от худших порождений бессознательного. Здесь опять-таки

² Термин «Я» (self) часто трактуется шире, чем «Эго», и означает «личность», «сам» и т. п. «Эго» (*das Ich*), в свою очередь, считается неким началом, обеспечивающим адаптацию и разрешение конфликтов. Чтобы обеспечить существование «Я» в мире, «Эго» применяет механизмы психологической защиты. – *Прим. пер.*

появляется вопрос, кто же спит и чей сон охраняется, Эго или субъекта? И наконец, главной функцией Эго, согласно Фрейду, является само-защита (self-preservation), т. е. способность представлять происходящие события в выгодном для себя свете (проекция, интроекция, рационализация и др. – *Пер.*) [3]. Но является ли то, что выгодно для Эго, выгодным и для *меня*?

Исследователи Фрейда часто утверждают, что своего рода антропоморфизация, существующая в его работах, исчезает, если понимать Ид, Эго и Супер-Эго как некие «процессы» или «силы». На наш взгляд, однако, в рамках этих понятий должным образом постичь природу человеческого поведения в любом случае затруднительно. Сам Фрейд действительно говорит о потоках, блоках энергии и т. п., но эти представления объединяются затем в механистическую концепцию, которая ассоциируется с самыми характерными формами объективизма. Эта проблема на самом деле во многом связана с употреблением терминов «Эго», «Супер-Эго», «Ид» (как в немецком, так и других вариантах), каждый из которых несет в себе дополнительное значение деятельности, т. е. указывает на существование некоего субъекта деятельности внутри субъекта как такового. В такой ситуации лучше всего вообще отказаться от терминов «Ид» и «Супер-Эго», обязательно перейдя к рассмотрению дистинктивного характера *das Ich*, или «*I*». Итак, мы можем предположить, что «*I*» есть субъект деятельности. Хотя это – исходное положение ряда философских школ (от картезианской философии до философии Дж. Мида), мы считаем его ошибочным. В своих работах Дж. Мид замечательным образом показывает, как «*I*» («*Я*») проявляется как «*Me*» («*Мое*»)³. Однако «*Я*» в этом случае представляется как пред-данный источник деятельности, и его возникновение, следовательно, всегда остается неясным. Чтобы связать «*Я*» с деятельностью, необходимо последовать по предложенному структуралистами пути децентрализации субъекта (не превращая его при этом в знак

³ «I and me» Дж. Мида в отечественной литературе часто переводят как «Я и Мое». По переводу Гараджи – «Аз и Я». (*Прим. пер.*)

в структуре означивания). Конституирование «Я» происходит только через «дискурс Другого», т. е. посредством языка, но «Я» при этом должно быть связано с телом как сферой деятельности. Лингвистически «Я» есть своего рода «переключатель», позволяющий определить, кто есть «Я» как субъект высказывания в любой ситуации разговора. Хотя «Я», по идее, есть некая сущность, связанная с богатейшими и сокровенными аспектами нашего опыта, она вместе с тем представляет собой один из самых пустых терминов языка [4]. Это происходит потому, что «Я» всегда соотнесено только с говорящим субъектом предложения или высказывания. Согласно Миду, субъект, который научился употреблять «I» (*Я*), также овладевает и употреблением «Me» (*мое, мне и др.*), но лишь достигнув той стадии языкового развития, которая позволяет ему дифференцировать «I» и «Me» в процессе коммуникации. Так, я должен знать, что я – это «Я», когда я говорю с «Тобой», но ты – это «Я», а я – это «Ты», когда ты говоришь со «Мной», и т. д. Наша позиция заключается в том, что для выполнения таких действий необходимо не только хорошее владение языком, но также осуществление сложного рефлексивного контроля и знание того, как поступать в разнообразных контекстах социальной жизни.

Признать значимость контроля за собственным поведением в ежедневной социальной жизни (или рефлексивного контроля) – не значит дезавуировать значение бессознательных источников познания и мотивации. Однако при этом нам необходимо обратить внимание на то, что же отличает «сознание» (или «сознательное») от «бессознательного».

Для этого в общем достаточно проанализировать обычное употребление этих слов. Прежде всего, иногда мы говорим о сознании как эквиваленте чувствительности [5]. Когда человек спит или его оглушили ударом по голове, мы говорим, что он «бессознателен», «потерял сознание» или «лишился чувств». «Бессознательное» обозначает здесь совсем не то, что имеют в виду психоаналитики, а «сознание», которому оно противопоставляется, можно

трактовать широко. Быть «в сознании» здесь означает воспринимать различные воздействия окружающей среды. К собственно «сознанию» такое понимание не имеет прямого отношения, ибо «терять сознание» или «приходить в сознание» могут не только люди, но и высшие животные. Это представление о сознании отсылает к сенсорным механизмам тела и их «нормальным» моделям функционирования и включено в понятия «практическое сознание» и «дискурсивное сознание».

Термин «сознательное» иногда используется применительно к поведению человека, который обращает внимание на происходящие вокруг события для того, чтобы скоординировать в соответствии с ними свою деятельность. Здесь имеется в виду контроль за собственным поведением (рефлексивный контроль), иными словами – практическое сознание. Так, например, учитель может «осознавать», что делают дети на передних рядах, и «не осознавать», что на задних партах ученики начали болтать на посторонние темы. На самом деле он просто невнимателен, но не «бессознателен» в том же смысле, как кто-то «потерявший сознание». Если это значение «сознательного» и имеет аналог применительно к животным, то во всяком случае уже не столь очевидный. Третье значение «сознательного», названное Toulmin-ом «способностью артикулировать», мы называем дискурсивным сознанием [6]. Toulmin приводит следующий пример: бизнесмен, обманывающий своих клиентов, занимается «сознательным и умышленным мошенничеством». Если же его действия непреднамеренны и возможные последствия им не осознаются, то он становится причиной чьих-то финансовых проблем уже «бессознательно». Иначе говоря, человек должен «думать» о том, что делает, для того чтобы его деятельность осуществлялась «сознательно». «Сознание» в этом значении есть способность отдавать себе отчет о своей деятельности и ее причинах.

Бессознательное, Время, Память

Совершенно очевидно, что психоаналитическое понимание «бессознательного» имеет нечто общее с этим тре-

тым значением «сознания» (или «сознательного»), т. е. с тем, что мы назвали дискурсивным сознанием. Дискурсивное сознание чего-то означает способность артикулировать это что-то. Термин «бессознательное» в психоанализе, наоборот, отсылает нас к скрытым причинам тех или иных действий, которые человек артикулировать неспособен.

Для того, чтобы концептуализировать «бессознательное» (или понять «unconscious» как «the unconscious»), однако, необходимо сказать несколько слов в отношении памяти, поскольку существует теснейшая связь между памятью и языком. Мы полагаем, что «бессознательное» может быть понято только в терминах памяти, а это в свою очередь требует серьезного исследования того, что же такое память. Здесь мы снова сталкиваемся с проблемами времени, значение которых подчеркивалось нами ранее.

1) На первый взгляд, память имеет отношение только к прошлому опыту, следы которого каким-либо образом оказываются зафиксированными: человеческая деятельность разворачивается в пространстве настоящего, привлекая при первой необходимости воспоминания о прошлом. Несостоятельность такого подхода обнаруживается при попытке рефлексии того, что же есть настоящее. «Настоящее» не может быть сказано или написано, не уходя при этом в прошлое. Если время есть не последовательность «присутствий настоящего», а скорее «временение»⁴ в хайдеггеровском смысле, то память есть аспект временения.

2) Можно вообразить, что память, кроме всего прочего, есть инструмент для воспоминания, своего рода «ящик», из которого достают нужную информацию. Память оказывается средством для возврата прошлого в настоящее в том случае, если между прошлым и настоящим имеется четкая граница. Если это не так, то определение памяти как воспоминания прошедших событий сразу становится неправдоподобным. Изречение Пруста можно считать иронией как раз по поводу такого наивного понимания: способность

⁴ Время «временится» из будущего. (Прим. пер.)

вспоминать имеет отношение к памяти, но никоим образом не указывает на то, что такое сама память.

Мы можем теперь заключить, что память тесным образом взаимосвязана с восприятием, или перцепцией. Весьма интересно, что все теории перцепции так или иначе склоняются в сторону субъективизма либо объективизма. Первая точка зрения, которая восходит к кантианской традиции в философии, основополагающую роль в формировании действительности отводит воспринимающему ее субъекту как преобразователю того, что в противном случае было бы бесформенной пустотой [7]. Вторая, противоположная, точка зрения заключается в том, что перцепция организуется пред-заданным объективным миром [8]. Попытки преодолеть такое расхождение привели к осознанию особого значения пространственно-временных характеристик восприятия⁵. Точно так же, как намерения, мотивы и проч., восприятие не дискретно, но представляет собой поток деятельности, интегрированный с движением тела во времени и пространстве. Перцепция организуется посредством опережающих структур (структур антиципации по Отто Зельцу – перев.), позволяющих воспринимать поступающую информацию, одновременно перерабатывая уже поступившую; в норме она связана с постоянным (даже во время отдыха) движением глаз и обычно головы. Опережающие структуры перцепции являются «посредником, благодаря которому прошлое воздействует на будущее» и который «идентичен скрытым механизмам памяти» [9]. Ключом к пониманию восприятия вообще вполне могло бы оказаться осязание, или тактильная чувствительность. Эта чувствительность не связана с каким-либо специализированным органом чувств или отделом нервной системы (как, например, зрение) и представляет саму собой разумеющуюся часть организации движений тела в контексте его деятельности. Как самый простой вид чувствительности, она, конечно же, наименее изучена. Далее, поразительная черта большей части исследований воспри-

⁵ Восприятия (*Wahrnehmungen*) в отличие от представлений (*Vorstellungen*), телесны и возникают в объективном пространстве. (*Прим. пер.*)

ятия заключается в изучении различных ощущений в отрыве друг от друга, т. е. каждый раз исследуется какой-либо один вид чувствительности [10]. Искусственность такого подхода становится очевидной при самом беглом рассмотрении человеческого поведения в любых ситуациях повседневной жизни. Таким образом, восприятие связано с пространственно-временным континуумом, активно организуемым как таковой воспринимающим субъектом. Референтом восприятия должно быть не отдельное ощущение и не воспринимающий субъект, но тело в его взаимодействии с материальным и социальным миром. Перцепция основана на неврологических структурах, посредством которых осуществляется непрерывность и преемственность человеческого опыта. Это осуществление с самого рождения включено в рефлексивный контроль. Бессмысленно отрицать, что способность к восприятию присутствует уже у младенца. Иными словами, у него сформированы не только сами органы чувств, но и неврологические структуры, позволяющие ему реагировать на окружающую среду с некоторой, пусть еще примитивной, избирательностью. Есть масса сведений о том, что грудные дети поворачивают голову по направлению к источнику звука, следят глазами за движущимися предметами и тянутся к ним ручкой, а такое поведение, несомненно, уже требует интеграции чувств [11]. Новорожденный ребенок способен оценивать временной интервал между слуховыми сигналами в двух ушах и поворачивать голову соответственно в ту или другую сторону. Конечно, при дальнейшем психомоторном развитии подобные реакции становятся более точными, и лишь через длительное время дети учатся формировать абстракции, т. е. понятия о тех объектах, которые они не воспринимают в данный момент. Совершенно очевидно, что назвать объект не значит попросту наклеить ярлык к явлению с известными свойствами. Назвать что-либо правильно – значит быть способным правильно об этом говорить, т. е. типизировать свойства называемого объекта, отнеся его к классу объектов с общими свойствами, отличающими их от объектов других

классов [12]. В связи со всем этим удобно рассмотреть положительные и отрицательные стороны гибсоновского понятия «предопределения». Согласно Гибсону, все возможные действия, применительные по отношению к объекту (т. е. предопределенные свойствами самого объекта), могут быть восприняты непосредственно. В этом взгляде подчеркивается практический характер восприятия, но не выявляется его связи с процессом образования понятий, который, вероятно, должен иметь культуральные особенности.

Если понимать перцепцию как совокупность механизмов для обеспечения непрерывности и преемственности человеческого опыта, сформированных и формирующихся движениями тела в контексте поведения, мы сможем увидеть таким образом значение избирательного внимания в повседневной деятельности. В любой ситуации происходит очень много событий, которые остаются незамеченными. Обычно это объясняют тем, что человек попросту отбрасывает ненужную информацию. Но этот процесс должен быть активным, а потому такое объяснение ошибочно. Избирательность в отношении воспринимаемого играет положительную, а не отрицательную роль, характеризуя обычное поведение человека в окружающей среде. Сейчас мы рассмотрим один эксперимент, который вызвал в свое время немало споров [13]. Участникам предлагалось одновременно прослушать две магнитофонные записи разного содержания, которые звучали соответственно в разных наушниках с одинаковой громкостью. Заданием было услышать только одну определенную запись и повторить ее в точности. Все участники не только без труда выполнили задание, но вообще «не слышали» вторую запись. Этот эксперимент интересен потому, что отражает самые обычные ситуации, в которых одновременно происходит более чем один разговор.

Результаты были объяснены наличием так называемых информационных фильтров [14], предположительно блокирующих достижение ненужной информации высших корковых центров, и было предположено существование определенных нервных механизмов, которые контролируют

ют этот процесс. Недостаток подобных теорий не только в том, что индивид оказывается по существу пассивным воспринимающим субъектом, но и в неприемлемом разобщении восприятия и памяти: считается, что в процессе восприятия чего-либо в любой данный момент многое из воспринятого «блокируется», т. е. очень быстро оказывается «забытым» [15]. Как это обозначил Neisser, предполагалось, что употребление информации через миллисекунды после ее регистрации зависит уже не от восприятия, а от памяти. Однако такой взгляд не привлекает умозрительно и не правдоподобен эмпирически. Если восприятие считать тем, что делает субъект, т. е. частью его активности в пространстве и во времени, то нет необходимости предполагать наличие никаких блокирующих механизмов вообще.

Мы всегда делаем что-то одно и не делаем другое. Для того, чтобы сорвать одно только яблоко, совсем не обязательно «блокировать» восприятие остальных яблок. В связи с этой ситуацией еще можно рассуждать о том, как возникает решение выбрать конкретное яблоко и его достать, но вовсе не требуется определять, каким образом мы не срываем те яблоки, которые нам не нравятся [16].

Если «настоящее» не оторвано от потока деятельности, то «память» может быть ничем иным, как способом описания человеческой способности знать. Если память не обозначает «прошлый опыт», то и сознание (в любом из трех значений) не обозначает «настоящее». То, что человек «осознает», не может быть зафиксировано в определенной точке времени. Поэтому нам необходимо различать *сознание* как чувственное восприятие (первый и самый общий смысл «сознания»), *память* как конституирование сознания во времени и *вспоминание* как способ повторения прошлых опытов в континууме нашей деятельности. Если память соотносится со свойственным человеческому опыту обладанием временем, то дискурсивное и практическое сознание соотносимы с *психологическими механизмами вспоминания*, употребляемыми в контексте человеческой деятельности. Дискурсивное сознание включает те формы

вспоминания, которые возможно выразить вербально. Практическое сознание включает воспоминания, к которым субъект имеет доступ в процессе действия, не будучи способным выразить то, что он посредством этого «знает». Бессознательное же содержит те виды воспоминания, к которым нет прямого доступа из-за того, что рефлексивный контроль и, особенно, дискурсивное сознание создают некий барьер, препятствующий их непосредственному выходу. Этот барьер имеет двойственную природу. Во-первых, формирование базисной системы безопасности на основе первого опыта младенца происходит на долингвистическом этапе, вследствие чего, вероятно, этот опыт остается за пределами дискурсивного сознания. Во-вторых, бессознательное содержит вытеснения, что само по себе не допускает дискурсивной формулировки его содержаний.

Мы употребляем понятия «сознание» и «бессознательное», в общем, так же, как и Фрейд. Но, утверждая, что большинство повседневных действий не имеют непосредственной мотивации, мы ставим под вопрос саму модель человеческого поведения, которой он придерживался. По Фрейду, все то, что делает или говорит человек, целенаправленно, в т. ч. и очевидные «ляпы» и оговорки. Фрейд часто стремился во что бы то ни стало продемонстрировать, что «случайные» явления фактически происходят из бессознательных мотивов, и он действительно сделал много открытий в такого рода вещах. Но в том, что каждое действие целенаправленно, т. е. имеет определенный мотив, смысла не больше, чем в утверждении, что деятельность состоит из цепи совокупных интенций или причин. Логический изъян здесь заключается в упрощенном взгляде на саму природу человеческой деятельности. Деятельность, я повторяю, не есть простая совокупность актов, хотя именно такое понимание неизбежно следует из сосредоточения Фрейда преимущественно на отграниченных «сегментах» поведения. Вместо того, чтобы предполагать, что каждый акт имеет свой мотив, необходимо осознать процессуальный характер мотивации (т. е. наличие постоянного рефлексивного контроля за поведением и его кон-

текстами. – *Пер.*). Это значит, что бессознательное лишь изредка подключается к рефлексивному контролю, и такое взаимодействие зависит не только от психологических механизмов внутри личности, но опосредовано общественными ролями, которые играют люди в повседневной жизни.

Немного уточнив это положение, мы наметим переход к тому, что будет обсуждаться в следующих главах. Основные наши позиции таковы. Существование человека в повседневной жизни, в большей или меньшей степени отвечающей особенностям и потребностям индивидуальной личности, подразумевает необходимость системы *онтологической безопасности, обеспечивающей независимость (автономность) действий человека в рамках предсказуемого хода событий*. Психологические истоки онтологической безопасности надо искать в базисных механизмах контроля тревоги (это хорошо показал Эриксон, чьи идеи мы обсудим ниже), определенным образом расположенных в качестве компонентов личности. Формирование чувства доверия к другим как наиболее глубокого элемента этой системы существенно зависит от способности предугадывать события, которая связана в первую очередь с фигурой родителей. Младенец рано начинает оказывать доверие и доверять. Обретая все большую автономность, он осваивает «механизмы защиты» (Гофман), сохраняющие обходный характер доверия (вежливость, тактичность и др.). Система онтологической безопасности основана не столько на этих механизмах, сколько на предсказуемости происходящих событий. В критических ситуациях ход событий теряет свою предсказуемость, и базисная система безопасности перестает контролировать и сдерживать тревогу. Наполнение обычных способов поведения тревогой, таким образом, и есть специфическая черта критических ситуаций.

Критическая оценка фрейдовского подхода к деятельности и понятию «Я» связана с рядом положений. «I» есть основная структура рефлексивного контроля, но ее невозможно определить ни через субъекта, ни через «Я» (self);

«I» не имеет, в отличие от «Я», своего собственного образа. Под «субъектом» (agent) мы понимаем личность, соотношенную с телом, которое имеет пространственно-временные характеристики. «Я» (self) не есть самостоятельный субъект действия в рамках индивида, но представляет собой сумму тех форм воспоминания, которые позволяют человеку осознать, «что» находится у истоков его деятельности. Т. е. субъект сам наделяет свое «Я» свойствами деятельности. Именно поэтому «Я» (self), тело и память тесно взаимосвязаны.

Эриксон: тревога и доверие

К изучению бессознательных элементов человеческого поведения весьма часто подходят с позиции объективизма. Все дело в том, что такая позиция (как и многие другие способы дать теоретическое обоснование бессознательного) не отводит рефлексивному контролю сколь-нибудь существенной роли в организации человеческой деятельности, действительные истоки которой кроются в чем угодно другом. Нам предстоит изложить ряд положений касательно бессознательного и социальных взаимодействий, устояв при этом от искушения последовать версиям структурного психоанализа (в первую очередь психоанализа Жака Лакана), которые стали модными сейчас в некоторых странах. Хотя работы Лакана бесспорно интересны, сама его концепция субъекта, по нашему мнению, несостоятельна и весьма смахивает на «структурный марксизм». Лакан – один из главных противников того направления в психоанализе, которое именуется «эго-психологией». Его полемика с Салливаном, Хорни, Эриксоном, Кардинером и другими эго-психологами достаточно успешна, особенно если учесть их не особую популярность в настоящее время. Полагая, однако, что работы упомянутых авторов совершенно не утратили своего значения, в нашем изложении мы будем не раз еще к ним обращаться.

С начала нашего века и до настоящего времени психоаналитическая теория изобиловала как «критическими» и «ревизионистскими» подходами, так и попытками сохранить ортодоксальное учение в той же мере, как и марк-

сизм. Что же касается эго-психологии, то она многое почерпнула сразу из двух принципиальных направлений, развивающих и пересматривающих «классические» постулаты Фрейда. Первое из этих направлений связано с именем Анны Фрейд, вслед за которой эго-психологи убедительно показывают, что результатом чрезмерной фрейдовской поглощенности «вытеснением» и «бессознательным» оказывается недооценка когнитивных, рациональных составляющих человеческого поведения. Социальные аналитики и в особенности антропологи, представляющие другое направление, показывают в своих работах все разнообразие способов человеческого поведения в обществе. Сколь бы ни были важны в тех или иных областях культурологические изыскания Фрейда, они так или иначе связаны с эволюционизмом, которым проникнута антропология девятнадцатого века. Осознать разнообразие способов поведения в обществе – значит принять и разнообразие форм организации семьи, а следовательно, и способов ранней социализации. Вот этими идеями и проникнута эго-психология; существенные отклонения от традиционного психоанализа здесь очевидны, но они вовсе не выливаются в культурологический релятивизм, так как есть процессы, одинаковые для представителей любых человеческих обществ. В своей книге «Детство и Общество» Эриксон сформулировал это следующим образом:

Современный психоанализ занимается изучением эго..., смещает акцент с концентрации на изучении условий, притупляющих и искажающих эго конкретного человека, на изучение корней эго в социальной организации... Продолжительное детство делает человека в техническом и умственном отношениях виртуозом, но и оставляет в нем пожизненный осадок эмоциональной незрелости [18].

Эриксон и Салливан – вот, пожалуй, две самые значительные фигуры среди всех исследователей, которые, сохранив некоторые принципы фрейдовской теории о стадиях психосексуального развития, в то же самое время приняли и достижения социальных наук. Их идеями, конечно, не без критической оценки, нам еще предстоит руко-

водствоваться в дальнейшем изложении. Основываясь на своих клинических и культурологических исследованиях, Эриксон выделил стадии развития личности с младенчества до зрелости. Его трактовка природы мотивации и развития умственных способностей ребенка чрезвычайно убедительна. По нашему мнению, однако, он недостаточно ясно обозначил тот переломный период, в который овладение языком способствует осознанию ребенком своей индивидуальности (что показал Хомский) и результаты которого налицо, а истоки далеко не очевидны.

В любом обществе главенствующую роль в раннем развитии ребенка играет его (в подавляющем числе случаев родная) мать. Первые этапы развития личности связаны с разрешением потребностей и снятием напряжений, обусловленных физиологическими свойствами организма. Очевидно, что фрейдовская трактовка этих явлений страдает излишним детерминизмом, а чтобы объяснить все их возможные варианты как в разных, так и в одном конкретном обществе, требуется куда более гибкий подход. Можно сказать, что формирование бессознательного зависит от самых ранних контактов ребенка с матерью, и понятие «двигательная активность ребенка» имеет совсем не тот смысл, как «действие» взрослого. Вслед за Эриксоном мы выделим три последовательно сменяющих друг друга стадии, или *ядерных конфликтов*⁶, с разрешением которых связана трансформация тела в своего рода инструмент или проводник деятельности в окружающем мире. Первый конфликт – «базисное доверие против базисного недоверия». По мере того как рецептивные возможности младенца согласуются с действиями матери, происходит своего рода корректировка врожденных механизмов гомеостаза и адаптации. Чувство «доверия» проявляется прежде всего в том, что в отсутствие матери ребенок не ощущает покинутости ею. Источник психологических реакций на присут-

⁶ Перевод терминов и цитат мы приводим по кн.: Эрик Г. Эриксон. Детство и общество, СПб, 1996. Однако термин «нуклеарный конфликт», используемый в этом издании, нам представляется не совсем удачным для русского перевода. (Прим. пер.)

ствии или отсутствие матери находится в теле, телесных потребностях, способах их удовлетворения и контроля.

Как отмечает Эриксон, «первым социальным достижением младенца в то время оказывается его готовность без особой тревоги или гнева переносить исчезновение матери из поля зрения, поскольку она стала для него и внутренней уверенностью, и внешней предсказуемостью. Такая согласованность, непрерывность и тождественность личного опыта обеспечивает зачаточное чувство эго-идентичности, зависящее... от «понимания» того, что существует внутренняя популяция вспоминаемых ощущений и образов, которые прочно увязаны с внешней популяцией знакомых и предсказуемых вещей и людей» [19]. То, что называется *доверием (trust)*, здесь соответствует *уверенности (confidence)* и с самого начала предполагает наличие взаимности; под уверенностью здесь имеется в виду зарождающееся ощущение младенцем собственной надежности в том смысле, что и другие теперь могут ему доверять. Формирование чувства доверия, конечно, не происходит бесконфликтно. Как раз наоборот, доверие противопоставляется и противоборствует с базисной тревогой, попытки контролировать которую и являются наиболее общим мотивационным источником человеческого поведения. Общение с матерью, плохо это или хорошо, неизбежно сказывается на всем дальнейшем развитии ребенка. Мать в своей заботе о малыше уже играет роль «обобщенного другого», включая ребенка в некий прототип социальных отношений с их определенными нормами, требованиями и санкциями. Отсутствие и тревога компенсируются со-присутствием и доверием, и при этом уже формируется осознание ребенком запрещенного и дозволенного, на котором, собственно говоря, и построено все многообразие взаимодействий человека с обществом. Это осознание закрепляется по мере роста автономии маленького человека, которая связана с умением владеть своим телом как проводником собственной деятельности, существенно меняющейся в период овладения языком. Любой человек имеет право в зависимости от тех или иных ситуаций дистанцироваться от

других, оберегая интимность своего тела и целостность (integrity) своего «Я». Однако «Я» несет и определенные социальные обязательства, которые связаны с необходимостью признать и уважать потребности других. Ребенок в этих тонкостях пока не разбирается, как и не способен показывать свои чувства к другим посредством мимики. Выражение лица, как утверждает Беккер, есть «позитивное чувство, обращенное в мир других и представленное им для рассмотрения, а возможно, и причинения вреда» [20].

Конфликт «доверие против недоверия», на котором основываются все способы снятия напряжений, сам по себе организован вокруг механизмов проекции и интроекции. По Фрейду, интроекция есть приписывание себе внешней добродетели, а проекция – приписывание другим своего внутреннего зла [21]. Эти механизмы связаны с идентификацией; в дальнейшем на них накладываются более зрелые структуры психики, но в критической ситуации проекция и интроекция снова себя обнаруживают. По мере физического развития тела психика ребенка вступает в новый возрастной этап. Эриксон считает, что фрейдовская трактовка этого процесса как чередования зон наслаждения не совсем удачна, хотя и происходят иногда фиксации либидо на какой-либо из этих зон. «Удерживание» (holding on) и «отпускание» (letting go) применительны к контролю над испражнениями, но прежде всего связаны с движениями конечностей. Удерживание и отпускание – поведенческие корреляты ядерного конфликта этой стадии, конфликта «автономия против стыда и сомнения». И первый, и второй конфликты связаны общим напряжением и в конечном счете могут разрешаться как в мягкой и доброжелательной, так и во враждебной и разрушительной форме. Поэтому удерживание может принять характер либо деструктивного и жестокого задержания или ограничения, либо заботы (иметь и сохранять), выражающей личную автономию. Отпускание тоже может стать разрушительным высвобождением агрессии или безразличным «пусть все идет само собой». Здесь необходимо подчеркнуть то различие, которое мы вкладываем в понятия «стыд» и «вина». Вслед за

Фрейдом многие психоаналитики связывают стыд исключительно со страхом открыть свои гениталии. Такая трактовка обращает наше внимание на тот аспект тревоги, который связан с внешним обликом человека (этому проявлению тревоги Гофман придавал большое значение, что мы еще рассмотрим). Однако чувство стыда, очевидно, феномен куда более широкий [22].

Насколько выражено чувства стыда или сомнения в человеке, можно увидеть по частоте возникновения у него «стыда», «неловкости», «униженности» и т. п. в обычном разговоре. Вряд ли можно согласиться с тем, что чувство вины «лично», сокровенно, а стыд – «публичен». Стыд подрывает самоуважение и, очевидно, тесно связан с довольно более мягким опытом «смущения». Стыд и смущение образуются на стыке запрещенного и дозволенного из-за «разоблачения» попытки что-либо сделать. В отличие от «вины», «стыд» и «смущение» относятся к обеим контактирующим сторонам, т. е. могут ощущаться человеком по поводу как своего, так и чужого поведения. Я могу стыдиться или испытывать смущение в отношении самого себя и собственных поступков, но также и по поводу кого-либо другого. Вот здесь мы обнаруживаем разницу между двумя этими эмоциями. Стыдиться чьего-то поведения – значит ощущать некую взаимосвязь с ним или даже ответственность за него. Смущение за кого-то есть противоположность безразличию, т. е. определенное соучастие и расположение к тому, кто оказался излишне «раскрытым» перед другими.

Гофман имел в виду как раз такие ситуации, в связи с чем нам особенно интересно отметить, что стыд у ребенка (имеющий ощутимые остаточные явления в системе безопасности взрослого) Эриксон связывает с постановкой тела и осознанием его «фронта» и «тыла». Фрейдовская теория анальной задержки здесь приобретает намного более социализированную форму. «Фронт» и «тыл», в области которых происходит контакт с окружением, возможно, напрямую связаны с самым первичным опытом осознания ребенком своего тела. Защищенность «фронта» при взаи-

модействии с обществом позволяет избежать тревоги, связанной с ощущением стыда, а стыд и смущение как раз и возникают вследствие потери этой защищенности. Тыльная сторона тела (*behind*) для ребенка имеет совершенно особое значение (*the behind*):...это неизвестный континент маленького человека, область тела, где могут магически властвовать и куда могут «с боем» вторгаться те, кто обычно стремится уменьшить право малыша на автономию... Поэтому исход этой стадии решающим образом зависит от соотношения любви и ненависти, сотрудничества и своеволия, свободы самовыражения и ее подавления. Из чувства самоконтроля, как свободы распоряжаться собой без утраты самоуважения, берет начало прочное чувство доброжелательности, готовности к действию и гордости своими достижениями; из ощущения утраты свободы распоряжаться собой и ощущения чужого сверхконтроля происходит устойчивая склонность к сомнению и стыду [23].

В следующую стадию, которая приходится на период бурного языкового развития, с наибольшей ясностью проявляется конфликт «инициатива против чувства вины». Это стадия «комплекса кастрации», которая, сколь бы сложной она ни была, является критическим этапом развития психики. В сфере телесного она характеризуется способностью держаться и передвигаться в вертикальном положении и развитием инфантильной сексуальности. Для всего дальнейшего развития личности здесь главнейшую роль играет подавление привязанности к матери (как девочек, так и мальчиков), обусловленное значительным скачком в языковом развитии. В это время ребенок начинает проявлять инициативу, обретая внутренний контроль, необходимый ему на пути от тесной привязанности к родителям к самостоятельности и отношениям на равных. Все это, однако, приобретается за цену подавления, которое в ряде случаев может принимать уродливые очертания тревоги, происходящей из чувства вины.

...именно здесь ребенок навсегда становится разделившимся внутри себя. Фрагменты инстинкта, которые до этого кризиса усиливали рост его детского тела и разума, те-

перь оказываются разделенными на детский набор, навсегда сохраняющий избыток потенциалов роста, и родительский набор, поддерживающий и усиливающий самоконтроль, самоуправление и самонаказание [24].

При рассмотрении трех этих стадий мы обнаруживаем прогрессирующее стремление ребенка к автономии, на которой как раз и основана сама возможность осуществления рефлексивного контроля. Но такая «автономия» не предполагает наличия барьера для стимулов, которые провоцируют тревогу, и не обозначает способов ее контроля, характерных для системы безопасности взрослой личности. Мотивационные компоненты ребенка и взрослого вытекают из стремления избежать тревоги и сохранить самоуважение от переполнения стыдом и чувством вины. Можно сказать, что механизмы системы безопасности остаются на бессознательном уровне, так как они долингвистичны, несмотря на то что стадия «комплекса кастрации» есть тот самый период, когда ребенок уже учится определять себя как «Я».

III	Локомоторно-генитальная стадия			Инициатива <i>против</i> чувства вины
II	Мышечно-анальная стадия		Автономия <i>против</i> стыда и сомнения	
I	Орально-сенсорная стадия	Базисное доверие <i>против</i> недоверия		
		1	2	3

Из этого рисунка видно, что наличие указанных стадий, сменяющих одна другую, предполагает различные соотношения и комбинации телесного и психического в их

зависимости и независимости друг от друга⁷. В индивидуальных случаях, когда те или иные фиксации детского возраста или формы регрессии включаются в организацию человеческого поведения, на нашем рисунке будут заполняться те или иные пустые клетки.

Исследования развития ребенка предполагают достаточно основательно, что формирование способности к автономной деятельности тесным образом переплетается с пониманием других как субъектов действия. Можно различить три главных этапа формирования понятия о деятельности, соответственно стадиям, описанным Эриксоном. Первый – это распознавание того, что называется «простым действием», т. е. понимание того, что другие могут причинным образом вмешиваться в ход событий, чтобы их изменять [25]. Осознание ребенком своего тела как источника деятельности происходит одновременно с атрибуцией этих свойств телам других. Реакции младенцев самого раннего возраста при взаимодействии с «похожими на субъект деятельности» другими различны, хотя аспекты поведения фигур, вызывающих реакцию, относительно просты и четки [26]. Отношение к другим субъектам деятельности, однако, пока еще как бы инструментально, т. е. они представляются некоторыми объектами окружения, а не существами, которые физически существуют отдельно от «Я», могут уйти и прийти. Эмоциональное созревание, связанное с чувством доверия (второй этап), по-видимому, тесно переплетено с осознанием деятельности как свойства отдельно существующих индивидов. Но наделение «человеческими» свойствами людей вообще, а не только родительских фигур, знаменует переход уже к третьему этапу. Выготский, среди других, продемонстрировал тесную взаимосвязь между локомоторным развитием (умением управлять телом как источником действия) и развитием речи. Хотя в его работах не дается ответ на «проблему Хо-

⁷ Пустые клетки выделенной ниже диагонали отводятся для предшествующих вариантов разрешения ядерных конфликтов, выше диагонали – для их остаточных явлений и трансформаций. Преимущество такой диаграммы заключается в том, что она привлекает внимание ко всем своим пустым клеткам. (*Прим. пер.*)

мского» (как ребенок фактически неожиданно обучается операциям с языковыми структурами?), зато Выготский действительно проливает свет на важнейшие аспекты связи деятельности и речи. Использование языка, в дифференцированной форме, зависит от развития «практического мышления» ребенка, иначе говоря, от определенных аспектов практического сознания [27]. Можно предположить, что развитие «практического мышления» ускоряется с разрешением третьего конфликта в схеме Эриксона, так как такое мышление подразумевает исследование тела как проводника деятельности. Но первые признаки «практического мышления» появляются с первыми исследовательскими движениями младенца; овладение речью *конвергирует* с ростом практического мышления в ключевой фазе развития. Примечательно, как сильно некоторые из наблюдений Выготского относительно «диссоциации» речи и поведения по мере взросления напоминают наблюдения Мерло-Понти в отношении больных с органической патологией мозга. Например, ребенок может выполнить довольно сложное задание только при условии, что будет вербально описано каждое действие. Дети, так же как и многие «психически больные», запросто могут разговаривать сами с собой на людях – феномен, который необходимо отличать от «эгоцентрической речи» Пиаже. Достаточно часто ссылаясь на Эриксона, я должен, видимо, ясно показать, что некоторые из его идей приняты мною с весьма существенными ограничениями и смягчениями. Я считаю, что наименее интересные области работы Эриксона есть как раз те, в которых он, возможно, наиболее прославился (о формировании «эго-идентичности» и стадиях развития личности от рождения до подросткового возраста и далее). Эриксон критически пересматривает фрейдовский подход к «эго» и его отношениям с обществом [28]. Частично это связано с тем, что формулировки Фрейда неадекватны с социологической точки зрения. Фрейд полагался на малоприемлемые тексты (как современные дискуссии о психологии толпы). В то же самое время основу психоаналитического метода составляют индивидуальные

клинические случаи (истории болезни). Вот здесь видно существенное расхождение. Ни сам Фрейд, ни его последователи не выработали приемлемой концепции дифференцированного общества; «концепция социальной организации и ее отношения к «эго» была «сведена к упоминанию о наличии «социальных факторов» [29]. Так понятие Эго строилось Фрейдом, отмечает Эриксон, через противопоставление его беззаконной природе толпы и первобытным инстинктам Оно. Для области моральных ценностей человека Фрейд использует понятие *Супер-эго* или *Эго-идеал*, причем размышляя об этом так же, как о некоей ноше или нагрузке, которую должно выдерживать Эго. Эриксон хочет скомпенсировать такой односторонний подход. Вместо того чтобы сосредоточиваться на том, что не допускается ребенку социальной организацией, надо подумать и о тех выгодах, которые эта организация ему сулит, причем учесть здесь и то, что виды социальной организации могут быть различными. Эриксоновское учение об «эго-идентичности» служит поэтому как дополнение традиционных психоаналитических понятий [30]. Я полностью согласен с критическими замечаниями Эриксона по поводу Фрейда. Но сам термин «эго-идентичность» не вполне удовлетворителен. Мы уже упоминали, что понятие «Эго» создает в психоаналитической теории слишком много концептуальных проблем. Поэтому введение понятия «эго-идентичность» может лишь увеличить существующую путаницу. Даже сам Эриксон понимает, что здесь есть как минимум четыре коннотации: «осознаваемое» ощущение собственного Я, «бессознательное стремление к собственной непрерывности», «критерий для безмолвных действий синтеза эго» и «поддержание внутренней солидарности с групповыми идеалами и идентичности» [31]. Ни одно из этих употреблений, надобно заметить, не является особенно ясным, так давайте оставим понятие, которое включает их все!

Библиография

1. I. Thalberg. Freud's Anatomies of the self. In: Freud, A Collection of Critical Essays. NY, 1974.
2. Ibid. P. 156.
3. Freud S. An Outline of Psychoanalysis. London, 1969. P. 56-57.
4. P. F. Strawson. The Bounds of Sense. London, 1966. P. 162-170.
5. S. Toulmin. The genealogy of consciousness. In: P. Secord. Explaining Human Behaviour. Beverly Hills, 1982. P. 57-58.
6. Ibid. P. 60-61.
7. J. Bruner. Beyond the Information Given. NY, 1973.
8. J. S. Gibson. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston, 1979.
9. U. Neisser. Cognition and Reality. San Francisco, 1976. P. 22.
10. Ibid. P. 29.
11. M. Wertheimer. Psychomotor coordination of auditory and visual space at birth //Science. 1962. Vol. 134.
12. U. Neisser. Cognition and Reality. San Francisco, 1976. P. 72.
13. E. C. Cherry. Some experiments on the recognition of speech, with one and two ears//Journal of the Acoustical Society of America. 1953. Vol. 25.
14. A. M. Treisman. Strategies and models of selective attention. Psychological Review. 1969. Vol. 76.
15. J. A. Deutch, D. Deutch. «Attention»: some theoretical considerations. Psychological Review. 1963. Vol. 70.
16. U. Neisser. Cognition and Reality. San Francisco, 1976. P. 84-85.
17. Central Problems in Social Theory. London, 1979. P. 120-123.
18. E. H. Erikson. Childhood and Society. NY, 1963. P. 15-16.
19. Ibid. P. 247.
20. E. Becker. The birth and Death of Meaning. NY, 1962. P. 95.
21. E. H. Erikson. Childhood and Society. NY, 1963. P. 249.
22. G. Piers, M. B. Singer. Shame and Guilt. Springfield, 1963.
23. E. H. Erikson. Childhood and Society. NY, 1963. P. 251.
24. Ibid. P. 256.
25. D. Wolf. Understanding others: a longitudinal case study of the concept of independent agency. In: G. E. Forman. Action and Thought, NY, 1982.
26. T. B. Brazelton, et al. The origins of reciprocity. – In: M. Lewis, L. Rosenblum. The Infant's Effects on the Caregiver. NY, 1974.
27. L. S. Vygotsky. Mind and Society. Cambridge, 1978. P. 20 ff.
28. E. H. Erikson. Identity, Youth and Crisis. London, 1968, ch. 5; idem, Identity and the Life Cycle. NY, 1967.
29. E. H. Erikson. Identity and the Life Cycle. NY, 1967. P. 19.
30. Ibid., ch. 3.
31. Ibid. P. 102.

Перевод К. Журавлева